

и на возможность возмущения народа. Тут автор использует «Слово о князях божиих», где устами пророка неправедные судьи призываются к раскаянию: «Почто не сдерзастесь о гресех ваших? Но уклоните законы моя и не охраните их». Когда о случившемся чуде узнал Святополк, он якобы «отътоле не многыими насильствоваше людем».

Конечно, Святополк давно истлел в своей гробнице в соборе Михаила, когда писался этот рассказ, — «мертвые срама не имут», а отношение Мономаха к покойному двоюродному брату было весьма отрицательным. Однако почти памфлетная острота обличения, какой пронизано это повествование, продиктована иным. Она свидетельствует еще раз о подлинной силе восстания 1113 г. и тревожной обстановке последующих лет, заставившей автора оставить корректный и мягкий тон «Поучения» Мономаха и угрожающе повысить почти до окрика свой голос писателя, чтобы образумить ставших на край гибели феодальных владык и установить вождельный социальный мир с помощью авторитета святых феодалов Бориса и Глеба.

Большой художественной и впечатляющей силой проникнут и сам богатырский образ освобожденного, вопреки княжому суду, узника, увидевшего себя на воле и лежащие вокруг сбитые чудесной силой разломанные звенья цепей и скрученные, как веревки, обручи кандалов. Этот образ был дорог народу и ужасающ для господ.

Самый сюжет о невинно заключенных и освобожденных узниках имел не только злободневный социальный смысл вообще, что, конечно, было основным, но он откликался и на наверно еще памятную реальную историю киевского восстания 1068—1069 гг. Тогда вероломно захваченный Ярославичами Всеслав Полоцкий был заточен в погреб и был освобожден восставшими киевлянами. Здесь ту же операцию проделывают сами святые князья, становящиеся на сторону оклеветанных, проявляя невиданную дерзость и подрывая авторитет власти. Может быть, и мотив ухода Бориса и Глеба на три дня «до Грьчьскы земля» откликается на угрозу киевлян после бегства Всеслава, если не вернутся в Киев Святослав и Всеволод, «ступить в Грьчьску землю». Тогда же произошла кровавая расправа Мстислава с освободившими Всеслава киевлянами: он перебил 70 человек «чади», «а другыя слепиша, другыи жъ без вины погуби, не испытав». ⁷³ Тут в грандиозном масштабе та же несправедливость, какую в меньшем размере допустил Святополк. Да и история с ослеплением нашла отклик в «Сказании» — Борис и Глеб тоже на время ослепили узника, но лишь для доказательства чуда, а потом исцелили его. Впрочем, и здесь характерно изменение самой интонации: ослепленный не столько умоляет князей вернуть ему зрение, сколько кричит, стыдя и укоряя святых («аки поносы имыи къ святыима»), ⁷⁴ и требует соблюдения обещанное — «дължна ми еста», — он обращается к святым как настойчивый кредитор. Сюжет ослепления приводил на память и недавнее преступление князей — злодейское ослепление князя Василька Тербовальского, к которому был причастен Святополк. ⁷⁵

⁷³ ПВЛ, т. I, стр. 114—116.

⁷⁴ «Понос» — движение, поругание, оскорбление, поношение, укор, осуждение, стыд, позор, подозрение (Срезневский, Материалы, т. II, 1902, стлб. 1183).

⁷⁵ Возможно, что привязка к Святополку истории с узниками вызвана и другими ассоциациями из фактов междукняжеской борьбы. Так, в 1101 г. против Святополка поднялся берестейский князь Ярослав Ярополчич; Святополк захватил его и в окопах привел в Киев; только по мольбе митрополита и игуменов «заводиша и (rote) у раку святого Бориса и Глеба и сняша оковы, и пустиша». Однако на другой год Ярослав был снова схвачен, закован Святополком и в этом же, 1102, году умер, вероятно, погребенный в земляной тюрьме (ПВЛ, т. I, стр. 182—183).